

Олег, что вас подвигло к теме материнства в творческой деятельности?

– Знаете, я изображаю то, что мне дорого, что считаю особенно трогательным и необходимым – заботу о детях, обыденную, повседневную, нормальную и прекрасную. У меня самого растут дети. Это и есть обыкновенное человеческое счастье. И сама тема, связанная с детством, неисчерпаема и прекрасна.

Все мы когда-то были маленькими. Поэтому каждому так или иначе это близко. Здесь даже выдумывать ничего не приходится. Просто нужно быть внимательным, искренним, уметь наблюдать. Например, на одну из последних скульптур – «Чуть не поймал» – меня вдохновил мой старший сын Андрей. Он, как и все мальчишки, летом любит порыбачить. И, как все рыбаки, может показать, какую рыбу он «чуть» не поймал. Это старый простой сюжет, человеческий, с юмором. Мой рыбак стоит на кривых деревенских мостках, в руках у него консервная банка для червей и самодельная удочка. А в душе – настоящий рыбацкий азарт.

Или, например, другая недавняя работа – «Взрослая песня». Моя дочь София любит петь и невольно подсказала тему: на старой деревянной табуретке стоит маленькая девочка и очень серьезно, старательно поет. Это тоже старый и распространенный сюжет. Но мне хотелось выразить его как-то по-своему, серьезным отношением к пению юной героини и ее непосредственности.

Еще одна работа – «Мужичок с башмачком». Мой младший сын Леня неравнодушен к обуви больших размеров. Я заметил, как он деловито примеряет ботинки и возится с ними...

Я всегда с интересом наблюдаю за детьми, замечаю, как они меняются, растут, подражают взрослым.

Вы являетесь автором скульптуры «Душа танца», которая вот уже больше 10 лет остается весьма престижным призом журнала «Балет». Само обращение к теме танца – случайность или она вас тоже очень интересует?

– Мне крайне сложно обозначить в своем творчестве основную тему. Хотя принцип выбора всегда один – все, что прекрасно, красиво. Танец, особенно классический, очень эстетичен и эмоционален. Мне интересно работать в этой теме, искать новые стилизации, ощущения. Я вообще считаю, что танец родственен скульптуре. Через него человек выражает свои эмоции. Скульптура во многом выполняет те же задачи. Так сказать, два сходных молчаливых искусства, понятные людям без слов.

Что вас вообще побудило стать художником?

– Любовь к животным. В детстве я был постоянным и страстным подписчиком журнала «Юный натуралист». Но меня интересовали не только повадки животных, а и динамика их, пластика. Я с удовольствием рисовал и лепил рычащих, бодящихся, прыгающих, убегающих, дерущихся львов, волков, крокодилов. Это были мои любимые пластилиновые игрушки. Со временем я перестал ломать наиболее удачные, начал относиться к ним как к работам. Так что, можно сказать, анималистическая тема во многом определила мое будущее и осталась со мной навсегда. Она безгранична, как сама природа, создавшая нас.

Прислонившиеся друг к другу фламинго словно излучают нежность. Взметнувшийся в прыжке лев – это сама стремительность. А как страшен оскалившийся волк! К сожалению, многие люди забыли яркие краски природы. Зачастую нам интереснее находиться под наркозом цивилизации, в плену низкопробных телешоу.

Когда я работаю над темой животного мира, стараюсь прочувствовать всю грациозность, тонкость и силу первобытной природы. У меня есть серия «Звериное материнство», где я попытался выразить нежность и спокойствие рыси-матери к своим смешным котяткам, яростный гнев пантеры, защищающей своих малышей, степень и силу волчицы, отдыхающей у логова с волчатами. Этими работами я хотел сказать о силе, заботе и первозданности матери-природы, о вечности и красоте нашего общего и хрупкого мира.

Свои работы вы предпочитаете делать в бронзе. С чем связан выбор материала?

– Во-первых, гарантия на две тысячи лет, что уже неплохо. А во-вторых, это традиционный материал – еще древние мастера отливали свои скульптуры из бронзы. К сожалению, это еще и дорогой материал. Иногда мои работы подолгу стоят в гипсе, так как нет средств их отлить.

Вы работаете в классических традициях. Почему?

Олег ЗАКОМОРНЫЙ:

ДАВИДА НЕ ВТИСНУТЬ В ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

С творчеством Олега ЗАКОМОРНОГО я познакомилась случайно. Шла на другую выставку в Центральный дом художника через парк Скульптур и была очарована представленными в нем работами. Они говорили о простых и очень понятных чувствах – о любви, верности, доверии... Особенно запомнилась скульптура «Обыкновенное счастье», изображавшая молодую женщину с младенцем. Похожая на мадонн старых мастеров, она в то же время была моей современницей. Художник не просто связал эпохи – он передал главное и неизменное, саму суть человеческой жизни: материнство. Художника звали Олег Закоморный. Недавно в ЦДХ прошла выставка его графических работ. И я опять увидела восхищение человеком, уважение к его внутреннему миру. Но разговор с автором я все-таки решила начать с «Обыкновенного счастья».

– Классические традиции – это прежде всего здоровый, честный реализм. А искусство, на мой взгляд, и должно быть понятно людям, эмоционально, великолепно выполнено технически. Мой учитель Лев Ефимович Кербель говорил: «Скульптура должна возвышать человека». Со временем я все больше соглашаюсь с ним. Я – за благородное искусство, за реалистические традиции.

А вас не смущает, что многие сейчас от них отрешиваются?

– Пусть это смущает тех, кто отрешивается. Я работаю так, как мне интересно. В искусстве много направлений, и каждый художник идет своей дорогой, заявляет о своих позициях, раскрывает свое мировоззрение. На мой взгляд, в искусстве ошибок нет, есть разные точки зрения, пристрастия, предпочтения. Мне, как я уже говорил, близок реализм, потому что он неисчерпаем, глубок, он живой, он дышит.

По существу, Россия долгие годы является хранительницей этих традиций. Европа же их во многом утратила. Недавно в одном из музеев Вены я обнаружил пасущую козу. Это было не подсобное хозяйство, а экспозиция одного из современных «художников». Но лично меня больше трогает Васнецовская «Аленушка».

Можно ли говорить об универсальных принципах искусства?

– Мне очень близки слова Кербеля: «Чистота духа – это самое главное в искусстве». Так мог сказать только человек, проживший в искусстве долгую жизнь. Этот принцип справедлив не только в искусстве, но и в жизни. Многие современные художники заняты псевдоискусством, а зачастую просто эпатажем. И чем скандальнее «экспериментаторство», тем больше шума и «славы». Но такой путь весьма сомнителен. Во всяком случае, о чистоте духа здесь говорить не приходится. Создать «Давида» намного сложнее, чем «Черный квадрат». Хотя шума от последнего намного больше.

Невозможно себе представить мемориальный комплекс на Поклонной горе без «Пьеты» Кербеля, олицетворяющей вечную скорбь матери по погибшему сыну. В этом году Лев Ефимович отметил свое девяностолетие. Он был не только

выдающимся художником, но и педагогом, каких теперь, мне кажется, не осталось...

– Кербель – действительно заметная фигура отечественного изобразительного искусства. Он обладал великолепной техникой. Я учусь у него до сих пор. К счастью, есть и еще мастера. Русская реалистическая школа вообще сильна своими традициями, преемственностью поколений. Художественные вузы как работали, так и работают, там созданы все условия для получения достойного художественного образования. Но научить всему невозможно – можно лишь научиться, а для этого нужны талант и огромнейшее желание.

Мне довелось некоторое время преподавать академический рисунок будущим дизайнерам. И что я обнаружил? Очень много людей случайных, которых учить чему-то бесполезно. Да они и не хотят учиться. Но, к счастью, есть ребята, настроенные совершенно иначе. Своей главной задачей я считал кого-то разбудить, других заинтересовать, дать вкусить творческого азарта, который не сравним ни с чем. Если эта искорка загорается и студенты начинают говорить со мной на одном языке, – дело пойдет, а технические приемы придут в процессе.

Вы представитель среднего поколения художников. От нынешнего вас отделяет совсем немного лет. Насколько существенны отличия?

– Возможно, нам в большей степени прививалось особое уважение к искусству. Я учился в Московской средней художественной школе им. Томского, которая находилась напротив Государственной Третьяковской галереи. Тогда среди мальчишек было настоящее соперничество в рисовании – авторитетным считался тот, кто лучше рисовал. Это и есть настоящее уважение к профессии. Я, как и многие воспитанники, жил в интернате при школе, где царил удивительная атмосфера. Мы много делали коротких зарисовок и набросков, подбирая для этого разную по тону и формату бумагу, применяя различные техники рисунка. Мы буквально учились друг у друга, совершенно искренне соревнуясь. А в свободное время посещали галерею. Конечно, успевали и в футбол

поиграть, и подучиться, как все мальчишки. Но вот это пристрастие к искусству стало фундаментом, на котором я стою и сейчас.

Какова роль скульптуры в наше время?

– В наш высокотехнический век предметы искусства, сделанные человеческими руками, приобретают совершенно другое значение, чем лет двести назад, когда не было фото, видео, кино и прочей документирующей техники. Сегодня изобразительное искусство лишь отчасти откликается на злобу дня. Но, как и прежде, оно призвано делать жизнь красивой, ярче, согревать человеческую душу. Думаю, что перед авторами прежних эпох стояли такие же задачи.

Тяжело ли отдавать свои работы в чужие руки?

– Если работа удачна, искренне радуется людям, я испытываю удовлетворение. Ведь это значит, что мой труд замечен и оценен. Но необходимо двигаться дальше, искать, создавать что-то новое. И каждая проданная работа дает жизнь новым, дает возможность жить, трудиться, творить.

Вы не только скульптор, у вас есть замечательные графические работы. Чему отдаете предпочтение?

– И рисунком, и скульптурой я всегда занимался параллельно и одинаково серьезно отношусь к обоим направлениям. Рисовать сейчас приходится, к сожалению, довольно редко, но для меня это прекрасный способ самовыражения, я с огромным удовольствием рисую с натуры. Мои рисунки не являются каким-то подготовительным материалом для скульптуры. Это совершенно самостоятельные работы.

Вы ждете вдохновения?

– Наверное, это вдохновение меня ждет – пока я занят повседневными заботами. Конечно, нужно всегда ясно представлять себе будущую работу, а уж в процессе ее создания приходит творческий азарт. Да и она сама во многом подсказывает какие-то нюансы.

И каждой работе стараюсь отдавать максимум внимания и сил.

Хорошо известно, что писатель смотрит на свое опубликованное произведение совершенно иначе, нежели до печати. Справедливо ли это для скульпторов?

– Каждая выставка дает возможность увидеть себя со стороны, попытаться объективно оценить сделанное. Доволен далеко не всегда. Хочется работать по-другому, лучше. Но со скульптурой так быстро не развернешься: сегодня слепил, через полгода отлил в металле, а понял, что сделал, – еще через год. Любимая работа – та, которая впереди. На выставках разные чувства одолевают, но я успокаиваю себя тем, что это мои работы, часть моей жизни. Есть выражение: не ошибается тот, кто ничего не делает, и оно, наверное, дает право работать смелее.

В силах ли вы сломать свое произведение, если оно вас разочаровало?

– Нет. Я скорее созидательного склада человек, чем разрушительного. Буду стараться довести свою работу до конца, как-то улучшить. За результат я в ответе прежде всего перед самим собой.

Есть ли у вас какие-то любимые герои?

– Нет. Допустим, у человека есть одно любимое кино, одна любимая книга, песня... Мне кажется это довольно примитивным. А вот нравиться может многое – в зависимости от настроения, от душевного состояния. Другое дело, что я никогда не стану изображать что-то отрицательное, негативное. Неприятностей и цинизма хватает в жизни – зачем это множить? Нужно служить светлым категориям, нести доброту. Именно для этого существует искусство.

Многие ваши работы установлены в театрах и музеях Москвы. Например, бюст Аркадия Райкина – в Театре эстрады; скульптурный портрет Марии Ермоловой – в Театре им. Ермоловой, еще один – в Музее-квартире М.Н.Ермоловой, бронзовый бюст Александра Годунова – в Бахрушинском музее. Какая из этих работ вам наиболее дорога?

– Пожалуй, небольшой бюст замечательного русского балетного танцовщика Александра Годунова. В одном из московских театров проходил вечер его памяти, и меня попросили выполнить портрет. Я говорил со многими людьми, знавшими его лично, работавшими с ним, восхищавшимися его талантом. Читал материалы о нем, просматривал видеозаписи и фотографии. Годунов был удивительным артистом, он создавал на сцене сильнейшие, яркие образы, обладал великолепной техникой и был очень интересным, выразительным внешне. Я работал увлеченно, и, в общем, портрет, на мой взгляд, удался. Идея же создания бюста Аркадия Райкина возникла во время выставки в театре «Сатирикон», где витает дух этого великого артиста. Для работы я использовал фотоматериал и попытался по-своему создать этот интереснейший образ. Искусство Аркадия Райкина необыкновенно. Это, безусловно, величайший артист. Я до сих пор с удовольствием вспоминаю работу над этим портретом.

Комфортно ли вам в веке информационных технологий?

– Если честно, не задумывался об этом никогда. Я родился и живу сейчас. А прожить, считая, всегда было тяжело. Если мастера прошлого смогли добиться успеха, это вовсе не означает, что им было легко. Если у человека действительно талант, он энергичен и по-хорошему упрям – рано или поздно ему улыбнется удача, и он достигнет поставленных целей.

Художнику нередко приходится выбирать: семья или работа. Перед вами когда-нибудь возникала подобная ситуация?

– Ничего нет дороже близких людей. Сначала нужно быть человеком, а уже потом скульптором, водителем троллейбуса или другим специалистом. Но это не значит, что большую часть времени я посвящаю семье. Мне повезло: все мои родные – люди понимающие и во всем меня поддерживающие.

Вы верите, что искусство может сделать людей лучше?

– Разумеется, если они этого сами хотят. Но если человек ни к чему не стремится, то его никаким искусством не проймешь. Таких примеров тьма. На мой взгляд, людей с детства необходимо знакомить с прекрасным, наполняя их души добротой и теплом. Тогда, вырастая, они будут испытывать потребность во всем отрадном, позитивном, станут созидателями, интересными личностями. К огромному сожалению, жизнь большинства наших соотечественников находится далеко не в лучшем материальном и нравственном состоянии. Государство должно больше уделять внимания культуре и эстетическому воспитанию детей. Если понимание искусства им будет доступно, тогда и мир наш станет лучше.

Беседу вела
Светлана НОСЕНКОВА
Фото автора